
На гаражах, да с пацанами,
Чинили старенький мопед.
Я в технике совсем не шарил,
Ни для кого и не секрет.

Смотрел как в масле и в мазуте
Возились звонкие друзья.
При той торжественной минуте
Шагала молодость моя.

Звенели нарды у соседей,
Дымилась «Оптима» тогда.
В колонках из машинной двери
Нам пели песни господа.

И, как всегда, о самом главном,
О самом главном и простом –
Что в жизни есть, то обернется
Воспоминанием о сём.

Под фонарями синей ночью,
Бредет, шатаясь на ветру
Гусар, гуляка и любовник,
У дам на лучшем он счету.

Горят витрины золотые,
В витринах дамочки стоят.
Красивые ведь, как живые,
Гусара приковали взгляд.

«Какая ночь, смотрите дамы!
Её красу не описать.
Вот только зябко нынче стало,
Впустите переночевать?».

Молчали гордые красотки,
Речь манекенам не дана.
«Вы отказали мне, чертовки?
Я не расслышал, нет иль да?».

Рассвет, разбитая витрина,
Средь манекенов я лежу.
Сирена воеет сиротливо.
У дам на лучшем я счету.

Ни дуэлей тебе, ни ссылок,
Настоящий тут кто или нет?
Смерть кому подышала в затылок,
Холодком пробежав по спине?

Обмельчали в России поэты,
За границу бы выслать кого,
Сами паспорт и визу, билеты
Оформляют, лишь в небе крыло.

Эй, постойте, ребята, а как же
Крепким словом, как пулей стрельнуть?
Оголяйте глаголы ножны,
Рубаните-ка истины путь!

Ни дуэлей тебе, ни ссылок,
Запрещённый, подпольный, ау!
Ни один из моднейших поэтов
Не раздует в пламя золу.

Быть довольным, одетым и сытым,
За страну не болевшим душой,
По лубянкам ногами не битым –
Безголосой, трусливою вшой.

Обмельчали в России поэты,
Мелкомыслие дарит покой.
Тихо спят кандалы и браслеты
В поэтический русский застой.

Мой герой канул в лету,
Но остались стихи.
Он присел на газету
В тихом парке, в ночи.

Закурил сигарету,
И взглянул вникуда.
Сотни строчек по ветру,
И дорога – судьба.

Он игристое выпил,
Прослезился в рассвет.
И сказал еле внятно:
«Был ли я? Или нет?».

Молчаливою тенью,
Меж фонарных столбов,
По осенней аллее,
Мой герой был таков.

Пьянящий май и мы на крыше,
С которой виден этот город,
Что стал мне ближе. Слышишь, слышишь,
Как он шумит для нас с тобою?

Я слышу песнь его давненько,
И, может быть, уже привык,
Послушай ты еще маленько,
А я закончу этот стих.

Когда-нибудь ты вспомнишь это —
На крыше, город и цветы.
Полуувядшего поэта,
Что нюхал волосы твои.

Мне бы денег, как детстве листьев,
Серый томик заветных стихов,
Плащ двубортный и кепкой прикрыться,
До вагона добраться без слов.

И уехать, уехать, уехать —
За окошком столбы и леса.
Что же ждет меня в этой поездке? -
Города, города, города.

Засыпает весеннее небо,
Закрываю тихонько глаза,
«Я уеду, уеду, уеду,
Не держи, ради бога, меня...».

Всю нашу жизнь вмещает чемодан,
Он полон тем, что было, пуст – что будет.
И всё моё богатство чудный хлам,
Палитра чувств, эмоций и иллюзий.

Для сотни жизни хватит и одной,
Коль чемодан твой бережно наполнен.
Играй, артист! В партере слёзы, вой.
И горький чай в уютной гримуборной.